

Советский гараж: история, гендер и меланхолия

+++ —

Кирилл Рафаилович Кобрин (р. 1964) – литератор, историк, редактор журнала «Неприкосновенный запас», автор (и соавтор) 14 книг.

Угрюмые мачо в железных коробках: история

Со второй половины 1960-х в СССР началась революция, которую почти никто не заметил. А жаль – она определила почти все, что произошло на большей части этой территории в последующие сорок лет. После 1965–1966 годов стартовала приватизация частной жизни советских граждан. В предыдущей фразе можно услышать некоторое противоречие: ведь тоталитарная страна исключает право на приватную территорию для своих подданных, тем более, по своей воле такой режим не должен раздавать направо и налево разрешение жить – пусть в определенных пределах, но все же по своему усмотрению. Тем не менее это произошло, хотя и привело, в конце концов, к гибели режима. И связан этот процесс с местом, где частная жизнь начала зарождаться. Для частной жизни нужны рамки, границы и кое-что внутри них – то есть жилплощадь и ее обитатели.

Советская власть унаследовала от царской России «квартирный вопрос». К 1914 году быстрая урбанизация, сопровождавшая капиталистическую индустриализацию, сделала нехватку жилья серьезной социальной проблемой, в которой пропасть между богатыми и бедными была порой глубже, чем во многих остальных. Большевики, придя к власти, попытались разрешить «квартирный вопрос» изменением качества и количества спроса на жилье. Иными словами, они, во-первых, резко уменьшили количество тех, кто жил в уже существующих квартирах – особенно тех, кто ими владел. Несколько миллионов человек погибли в гражданской войне. Во-вторых, уцелевших буржуа и интеллигенции собственность отобрали: в худшем случае, выселив их подальше, в лучшем – оставив жить в одной из комнат некогда собственной квартиры. В опустевшее жилье заселяли пролетариев и дружественных режиму

«спецов». Так возникли «коммуналки». В них пространство частного было сведено к минимуму; роскошью остаться с собой наедине или с близкими друзьями/возлюбленными могли наслаждаться только одинокие жильцы, не обремененные семьей. Ну а кухня и коридор, не говоря уже о ванной и туалете, были общими; в коммуналках царили склоки, здесь доносили, дрались и порой убивали. Как минимум два поколения советских людей выросли в таких условиях, будучи лишены самых простых радостей частной жизни.

Нельзя сказать, что власть стремилась к этому результату; коммуналки были вынужденным решением, да и они трещали по швам после начала коллективизации и советской индустриализации конца 1920-х, когда в города хлынули миллионы крестьян. Сталин развернул в 1930-е мощную программу городского строительства, но жилья все равно не хватало: его в основном получали представители элиты – парработники, высокопоставленные хозяйственники и отличившиеся деятели культуры. Кое-что давали «героям социалистического труда» и «красным командирам». Остальные жили либо в коммуналках, либо в бараках. Для власти, которая называла себя «коммунистической» и строила свою риторику на идее равенства и социальной справедливости, такая ситуация была неудобна. Но, с другой стороны, коммуналки отвечали сущности сталинского режима почти идеально: никакой частной жизни, плюс уничтожение любой горизонтальной социальной связи между советскими атомами; связь может быть только вертикальной, на вершине ее – звезда Московского Кремля, под ней вечно горит окошко сталинского кабинета.

Смерть Сталина и правление Хрущева все изменили. Именно Хрущев дал старт программе строительства дешевого массового жилья, при нем архитектурные идеи Баухауса воплотились в советскую жизнь в виде «хрущевок». Советский человек стал постепенно обрести собственную жизнь, однако общая идеологическая ситуация этому не способствовала – «оттепель» была попыткой ремейка 1920-х с их энтузиазмом, утопизмом и порывом в будущее. В такой ситуации частная жизнь воспринималась и властями, и даже отчасти обществом как что-то мелкое и недостойное – достаточно посмотреть «прогрессивное» советское кино 1960-х или почитать повесть Юрия Трифонова «Обмен». Только конец «оттепели» и наступление долгой брежневской эпохи, которую именуют «застоем», создали возможность для приватизации частной жизни. Брежнев волевым решением построил практически новую страну, состоящую из новых городов, – и на это не жалели средств. В обмен на отдельное жилье власть требовала от советского человека не подвигов, а конформизма. Конформист засел в только что полученной панельной квартире, обзавелся кое-каким бытом, купил румынский мебельный

гарнитур, повесил на стену таджикский ковер, поставил в «красный угол» телевизор и приготовился жить себе в удовольствие. Удовольствие же предполагает несколько вещей: достаток, секс, досуг. Конформист, как паук, стал плести горизонтальные социальные паутины, чтобы уловить в них вышеназванное.

С сексом было не очень хорошо, но гораздо лучше, чем раньше: все-таки отдельная квартира, там можно уединиться. Вместе с тем квартиры давали почти исключительно семейным, так что площадок для эротических походов не хватало. О номерах в гостиницах, снятых на час–другой, даже и не мечтали. Оставалось надеяться на друзей и родственников, внезапно уезжавших в отпуск или в командировку и просивших поливать цветы в их квартирах. Мощным сексуальным ресурсом был, конечно, отпуск, проведенный в Крыму или на Кавказе. Впрочем, это все для взрослых, а вот тинэйджерам приходилось совсем туго.

Достаток был невелик, но доход у работавших был постоянный – в советской экономике все расписано, включая цены и зарплаты, до самой победы коммунизма, то есть навсегда. Скудость бытовой жизни и дефицит товаров скрашивало неостановимое тихое воровство и неформальные клиентские связи – заметим, горизонтальные. Наконец, для того, чтобы поддерживать эти контакты, чтобы обеспечивать себя приватным сексом и приватным достатком, нужно было организовывать досуг, так как именно он давал возможность самым разным людям вступить в полускрытый от ока партии контакт.

Места досуга делились на официальные и неофициальные. Официальные делились на идейные (партийные и профсоюзные ритуалы, концерты, торжества, демонстрации и прочее) и просто определенные официальными рамками – вроде танцплощадок, эстрадных концертов, кино, театра и, конечно, ресторанов, но все это – парадная сторона досуга позднесоветского человека, по другую сторону которой существовала частная жизнь на собственной территории. Одним из алтарей священного неформального досуга советского человека была кухня его квартиры, эта смесь британского клуба и паба с французским кафе. Другим алтарем стал гараж.

Появление советских гаражей – часть процесса приватизации частной жизни в стране. Для их возникновения, во-первых, следовало производить много относительно дешевых автомобилей – а это началось как раз со второй половины 1960-х. Во-вторых, нужно было разрешить покупать автомобили тем, у кого были на это деньги, вне зависимости от партийного или бюрократического статуса. В-третьих, необходимо стало как-то разрешить проблему хранения и ремонта автомобиля – уже после того, как он куплен. В начале 1970-х все три

условия сошлись вместе, и десятки квадратных километров железных и кирпичных будок, носившие название «гаражи», принялись облеплять советские города, как ракушки бока огромного океанского лайнера. Гаражи обычно располагались не близко от жилья, так что с самого начала они стали претендовать на роль «второго дома».

Гаражи, в отличие от квартир, просто так не «раздавали». Жилье – насущная вещь, гараж – уже отчасти излишек и роскошь. Собственность на гаражи была чаще всего кооперативная, и, чтобы вступить в такой кооператив, следовало располагать и свободными деньгами, и горизонтальными социальными связями. Гараж – одновременно и феномен приватизации частной жизни в СССР, и один из главных ее моторов. Гараж лишь опосредованно связан с государством, а с государственной идеологией не связан и вовсе никак. Наоборот, он ее разъедал, будучи наглядным примером того, что Маркс и Ленин называли «мелкобуржуазной стихией».

Эти неказистые железные или кирпичные коробки, в которых обычно стояли латаные-перелатанные «Жигули» или (редко) «Волга», специально не проектировали. Их форма, структура и проч. сложились совершенно стихийно, что было еще одним вызовом плановой советской экономике и жизни. А внутри гаражей медленно функционировала жизнь, еще больше противоречившая советским идеалам. И еще одна важная деталь: на территориях, оккупированных СССР во время и после Второй мировой войны, происходили примерно те же самые процессы – и массовое строительство жилья, и появление гаражей. Только вот с приватизацией частной жизни дело обстояло сложнее. В отличие от советских России, Белоруссии и восточной части Украины, здесь частная жизнь никогда не кончалась, да и сам уклад ее определялся не русскими дореволюционными традициями, а скорее смесью традиций – с серьезным, если говорить о Прибалтике и Западной Украине, центральноевропейским влиянием. Так что очаги тихого сопротивления отдельного обывателя унифицирующему катку советской жизни здесь оставались. Тем не менее массовые этнические чистки, депортации и переселения уже совершенно советских людей на оккупированные территории сделало ситуацию похожей на ту, что была в остальном СССР. Оттого универсальный для СССР «гаражный мир» получил здесь свое распространение, пусть и с некоторыми местными чертами.

Так что же происходило в советских гаражах? Здесь пьянствовали, занимались сексом, держали домашние припасы и ненужное барахло, вели долгие разговоры обо всем на свете, в том числе и о политике. «Гаражная жизнь» неизбежно приобрела ярко выраженный гендерный характер – именно сюда, на окраину урбанистической ойкумены, был вытеснен советский мужчина, «советский мужик» среднего и старшего

возраста. В этом месте нашего рассуждения стоит вернуться к его началу. Приватизация частной жизни привела к тому, что в – на первый взгляд патриархальном (отчасти даже мачистском) – позднесоветском обществе женщины стали забирать все больше и больше реальной власти. Этот сюжет имеет долгую историю, и здесь ее всю не пересказать, но вкратце дело обстояло так.

Октябрьская революция, несмотря на все свои ужасы, с точки зрения гендерного равноправия способствовала огромному шагу вперед. Женщина в Стране Советов была не только признана равной мужчине – такое признание поддерживалось всей пропагандистской машиной. В 1920-е годы прогресс в этой области был гигантским, однако он затормозился в сталинские времена. Внешне все обстояло точно так же, как и раньше, однако модель идеального устройства советского общества все больше и больше начинала походить на великодержавные представления дореволюционных времен. Знаменитая скульптура «Рабочий и Колхозница» Мухиной – яркий тому пример. За «промышленность», «прогресс», «технику» отвечает мужчина-рабочий, женщина воплощает Природу, которую она возделывает и плоды которой срезает тем самым серпом, что у нее в руках. В городах сталинского времени женщина – если она не «передовик производства» – либо оказывается в рамках специально-уготованных для нее профессий (вроде учителя или библиотекаря), либо вовсе возвращается домой, на кухню. В те годы почти невозможно было встретить не уборщиц, а уборщиков, не медсестер, а медбратьев, не буфетниц, а буфетчиков, не продавщиц, а продавцов в продуктовых магазинах. Те же советские женщины, что вернулись домой, обнаружили, что там у них нет своего пространства – приходилось делить коммунальную кухню с другими женщинами. И только получив при Хрущеве или Брежневеве свое жилье, советская женщина взяла реванш. Во-первых, ее работа становилась все более и более квалифицированной. Во-вторых, работая, она не освободилась от домашних и родительских обязанностей. Иными словами: советская женщина зарабатывала, хлопотала по дому, воспитывала детей. Муж – если у советской женщины вообще был муж, ибо, несмотря на чудовищное ханжество позднесоветской жизни, матерей-одиночек становилось все больше и больше – чаще всего сидел на кухне в майке и трусах и пил водку. И вообще – мешался под ногами. Самые умные мужья уходили играть в шахматы или в футбол с друзьями. Те, у кого уже была машина, уходили в гараж. Так гаражи стали мужским клубом, алтарем позднесоветского выпадения мужчин из семейной жизни.

Жена не казала носа в гараж, разве что когда на машине привозили припасы от деревенских родственников или с дачи и нужно было

должным образом загрузить погреб. Деревенская еда составляли провиантскую базу мужского обитания в гаражах, особенно если учесть, что в основном это были соленья и маринованные овощи, которыми так хорошо закусывать. Здесь же стояла продавленная койка или даже старый диван – и просто поспать, и для альковных утех. Рижский транзисторный приемник – слушать западные «радиоголоса», чтобы было что потом обсудить с собутыльниками. Газеты. Несколько книг. Ну и автомобиль, конечно, – именно он создавал идеальный резон улизнуть из дома, где жена, придя с работы, варила суп, следила за тем, как сын делает домашнее задание по математике, из дома, где, собственно, нечего делать и нечем заняться.

Так гараж стал одной из главных точек позднесоветской неформальной горизонтальной социальной жизни, причем исключительно мужской. В этом качестве его можно сравнить с английским пабом, куда до начала 1970-х женщин пускали неохотно. Или с английским джентльменским клубом – но второе сравнение хромает, ибо в гаражах особого социального различия не делали: инженер наливал рабочему, доцент чокался с водителем автобуса. Что касается сравнения с пабом, то здесь при всех действительно совпадающих чертах есть серьезное отличие. Английский паб – это (была) общественная институция, на которой официально покоится порядок вещей в стране. Паб британским правящим классом считался важнейшим элементом децентрализованной, локальной, частной жизни британцев; государственные институции этой страны вырастают из такого порядка вещей. То есть паб в Великобритании был (и отчасти остается) легитимированной господствующей – пусть и неcodифицированной, скорее угадываемой – идеологией. В СССР гараж официально являлся символом мещанства, обывательщины, мещанской редукции жизни к мелким интересам. Мелкобуржуазная стихия быта подтапливала высокую идеологию марксизма-ленинизма; если в глубине души генсек Брежнев и его соратники давно махнули на это рукой, то внешне партия и правительство выказывали знаки недовольствия и даже раздражения. Деятели советской культуры – на самом деле давно уже обустроившие свой буржуазный приватный быт с помощью тех же партии и правительства – быстро поняли, какой социальный заказ делает власть. Так появилась одна из самых смешных советских комедий 1970-х – фильм Эльдара Рязанова «Гараж». Члены гаражного кооператива одного научно-исследовательского института заседают всю ночь, пытаются избавиться от лишних пайщиков. Они дискутируют, голосуют, приводят веские аргументы за себя и против других. Перед нами настоящий демократический процесс, который формирует даже собственный язык общественной дискуссии. Режиссер явно

издевается над своими героями; герои же мстят ему тем, что, обнаружив одного из пайщиков мирно проспавшим бурную ночь, делают его козлом отпущения – и исключают из членов кооператива. Пайщик все так же мирно спит. Ему все равно. Его играет сам режиссер Рязанов. Если рассуждать символически, крах попыток демократическим путем договориться друг с другом, крах гаражной демократии в фильме «Гараж» предвосхитил крах демократии, которую пытался построить советский человек, выйдя на волю из своего гаража, после чего он ретировался обратно, в мужской мир усталых разговорчивых пьяниц и изобретателей велосипедов. Приватизация частной жизни позднесоветского человека увенчалась консервацией его замкнутости. Он не смог найти общего языка ни сам с собой, ни с теми, кто не пьет водку и у кого никогда не было автомобиля.

Ржавая Природа и меланхоличная Культура

Вышесказанное – об истории и социологии. Пришло время поговорить о философии, урбанизме и искусстве. Что представляет собой позднесоветский гараж на взгляд из очень старомодной перспективы Иоганна Гердера, Мэтью Арнольда и Освальда Шпенглера: это Культура или Природа? Казалось бы, ответ очевиден. Конечно, Культура, ибо гараж и все, что в нем, создано руками человека и, по большей части, принадлежит к миру «техники». Более того, гараж, несмотря на свое часто окраинное положение в отношении городских центров, есть порождение урбанизма. Наконец, наличие автомобиля в гараже является не только оправданием зародившейся там особой формы жизни – нет, автомобиль здесь первичен, а люди вторичны. Все так, но если вдуматься, то на каждое из вышеприведенных утверждений можно привести контраргумент. Социальная жизнь в гараже и вокруг него *самозарождается* – а это как раз свойство Природы. Не регулируемая государственными и семейными правилами сексуальная жизнь переносится именно сюда – значит, внутри железных или кирпичных стен гаража реализуется чисто природная функция. Наконец, попробуем определить: к какому типу вообще относится гаражная жизнь, как ее можно назвать, ухватить термином? Первое, что приходит в голову, когда мы перебираем в уме основные элементы гаражной жизни – а они имеют отношение к пьянству, сексу и вольным разговорам на вольные темы, – это «вакханалия». Неистовый мистический праздник, сопровождающийся возлияниями (название же пошло от имени бога виноделия Вакха), оргиями и даже богохульством. Есть множество точек зрения на «вакханалии», немало книг, исследующих этот феномен, но так или иначе можно согласиться с одним: это неистовый разгул низших

животных страстей в строго установленных временных и пространственных рамках. Это контролируемый взрыв Природы в рамках и под присмотром Культуры. Эпитет «неистовый» вовсе не означает непременно пронзительных воплей и исступленных плясок – взрыв «природного» может быть довольно тихим, даже угрюмым. И ограниченным не одним днем в году, а несколькими часами несколько раз в неделю в жизни большей части мужского населения на территории некогда существовавшей страны.

С урбанизмом здесь тоже есть проблема. С одной стороны – да, это город и это автомобиль, сделанный на конвейере. Это железные листы, купленные или украденные на заводе. Это силикатные кирпичи, купленные или украденные на другом заводе. В руках у этих мужчин, в те редкие минуты, когда они действительно ремонтируют свои автомобили, инструменты, сделанные еще на одном заводе. Но присмотримся к манипуляциям, которые производят измазанные в машинном масле руки наших героев. Что они делают? Чем заняты? Мужчины лежат на грязных тряпках под брюхом машины и копошатся внутри. Или склонились над открытым мотором – и тоже копошатся. Эти манипуляции напоминают то ли дойку коров, то ли прополку грядок или сбор урожая бобов, помидоров, огурцов. Все эти сравнения отсылают назад – от индустриальной эпохи к доиндустриальной, к сельскому хозяйству, которое уж точно ближе к Природе, чем к Culture. Конечно, есть сельское хозяйство современное, со сложными машинами, химикатами, генной инженерией и прочим, – но здесь совсем иное. *Modernity*, технический прогресс, вершиной которого намеревался стать советский коммунизм, обернулся архаизацией и обращением вспять. Об этом говорят не только манипуляции в брюхе подержанного автомобиля. (Впрочем, и сами эти манипуляции выглядят комично, ведь в современном мире владелец машины не знает, что происходит внутри нее, ибо никогда не открывает капота, предпочитая обращаться в авторемонтный сервис, то есть действуя в рамках рыночной экономики.) Сам гаражный мир архаичен, особенно сейчас, когда вокруг приватизировано абсолютно все; никакой нужды в нем нет. Из территории стихийной мелкобуржуазной приватности он превратился в пространство крайней архаики мира ранней модерности. Этот мир замкнулся, заточив в себе немалую часть постсоветского мужского населения; получилось что-то вроде заповедника советских 1970-х – даже не музея советских вещей, а заповедника типа сознания, способа относиться к себе и к миру. А заповедник – Природа, искусно ограниченная рамками Culture, не правда ли?

Итак, Природа, хотя и ограниченная рамочкой современного западного культурного сознания. Вместо индустриального советского

города перед нами постсоветский псевдоприродный феномен; никого уже давно не волнует, что материал его сделан когда-то на фабрике. Фабрик в Европе почти не осталось, они где-то на Юге и Востоке. Но там – если верить западному сознанию – ведь тоже господствует природа, джунгли и прочая романтическая чепуха. По сути сегодня советский гараж выглядит как шалаш пастуха или хижина землепашца на классической пасторали. Или как полузасыпанный песком ассирийский дворец на картине ориенталиста XIX века. Тогда возникает вопрос, уже относящийся к сфере искусства: может ли гараж стать предметом искусства?

Конечно, может. Но в этом неизбежно будет присутствовать малозаметная подмена. Пастораль рисует городской художник, изображая жизнь деревни. Предмет такого художника – *Другой*, взятый как чисто эстетический объект, да еще и с естественной аурой ностальгии («золотой век» и все такое). Ориенталист тоже рисует *Другого* – не социально, а географически-культурно-другого. Ориенталист не ностальгирует, конечно, но он действительно рисует иной мир, не имеющий к нему никакого отношения. Эстетический эффект в его картине возникает оттого, что зритель видит абсолютных чужаков, существ иного строения и смысла, но похожих на людей. Оттого экзотическая пышность происходящего приглушает, если не убивает вовсе, антропологическую солидарность. Глядя на одну из множества картин XIX века под названием «Невольничий рынок», ловишь себя на том, что, вместо сочувствия несчастным рабыням, ты просто любишься их обнаженными телами и живописно-зловонными рожами надсмотрщиков. Ты смотришь на них свысока, покровительственно, немного равнодушно – оттого больше уверенности в себе и своем мире, пусть не в столь живописном и ярком, но уж точно более настоящем. Собственно, если гаражный мир и станет когда-нибудь популярным объектом искусства, это неизбежно окажется еще одной страницей в истории воспетого Эдвардом Саидом «ориентализма». Есть еще возможность вписать позднесоветские гаражи в стимпанк, но они недостаточно живописны. Нужен очень изощренный взгляд, чтобы обнаружить прелесть в ржавых железных коробках, битком набитых старой рухлядью.

Остается меланхолия – в том виде, в котором подарили ее нам писатели Джеймс Баллард и Винфрид Зебальд. Именно они произвели тихую революцию в эстетическом сознании Европы последних тридцати лет. Они размыли границы между «нами» (современными, знающими, отличающимися прошлое от настоящего, Природу от Культуры) и тем, что нас окружает. Баллард открыл, что настоящая Природа для современного человека – это бетонные автострады, бетонные автостоянки, пригородные супермаркеты и так

далее. Наши дома – салоны автомобилей, а наша жизнь полностью определена рукотворной Природой. Мы первобытные люди, но перемещаемся не по живописным диким лесам, а по серым автострадам. Зебальд пошел еще дальше: он уничтожил Историю. До него западный человек смотрел в прошлое и видел события, которые могли чему-то научить или дать пример – положительный или отрицательный, неважно. Единственным в Европе, кто такого взгляда не принимал, был Монтень, превративший историю в набор бессмысленных анекдотов и случаев, из которых невозможно вывести никакой морали. Зебальд сделал следующий радикальный жест: он растворил прошлое и настоящее в серой дымке всепроникающей меланхолии. Что касается будущего, то его, как известно, вообще нет. «Всеобщая история бесчестия» – так называлась книга молодого Борхеса, который еще отличал настоящее от прошлого. «Естественная история разрушения» – так называется эссе Зебальда, писателя, для которого Тридцатилетняя война XVII века, Вторая мировая XX и ихтиологический сюжет о гибели огромных косяков рыб в Северном море – вещи одного и того же порядка, отдельные главы из натуральной, природной истории разрушения. В этой истории нет человеческой «истории» как таковой, все происходит само собой, стремясь к разрушению, оттого История есть просто способ существования (на самом деле – упадка) Природы. Если так, то советские гаражи действительно ничем не отличаются от первозданных пейзажей Озерного края или песков Сахары. Просто пустое пространство, которое можно заполнить ностальгией, страхом, радостью, ненавистью, отвращением – чем угодно.